

Переводчик: Антония

Мальчик позади него с уважением ответил: "Старший лорд, не беспокойся о седьмом лорде. Если он не оценит твою доброту, твои усилия все-таки будут бесполезны".

Человек в фиолетовом вздохе сказал: "На этот раз все по-другому. С тех пор, как он вернулся из города Тяньсян, он полностью изменился. Наверное, на этот раз он слушает меня".

**

Мо Цяньсюэ вышла из дворца поела и долго вздохнула с облегчением, но ее завязанные брови не расслабились.

Няня Мо, Чийи и Шиву ждали у ворот. Видя, как она выходит, они поспешили, чтобы держать ее, чувствуя себя немного беспокойно, когда они увидели три ноги белый шелк на нее, спрашивая внимательно: "Госпожа, почему вы носите этот белый шелк"?

Императорский дворец эксплуатировался по строгим нормам и правилам. Этот белый цвет может принести несчастье даме. Мо Цяньсюэ холодно сказал: "Это дар императрицы". Когда мы вернёмся домой, вы с Чуйи быстро превратитесь в траурный костюм перед рассветом".

Няня Мо, недоумевающая, кивнула и с облегчением улыбнулась: "Императрица все еще ценила свою дружбу с твоей матерью..."

Она продолжила комментарий, когда Мо Цяньсюэ остановила свои шаги и планировала рассказать ей правду, но, оглянувшись вокруг и обнаружив, что вокруг дворца есть люди, она проглотила слова, поспешно маршируя к карете, игнорируя Чийи и Шиву и прыгая на карету.

Няня Мо подумала, что она слишком устала и ей все равно, поспешила подойти сзади.

После того, как няня Мо последовала за Мо Цяньсюэ, чтобы сесть в карету, Мо Цяньсюэ, наконец, начала пристально смотреть ей в глаза и сказала слово за словом: "Но когда Императрица дала мне это, она сказала, что это должно было повесить меня".

Улыбка на лице няни Мо была мгновенно заморожена.

Белый шелк! Она должна была догадаться. Жесткая улыбка сразу переросла в ярость: "Мадам хорошо с ней обращалась. Какая неблагодарная женщина!"

Мо Цяньсюй фыркнул и перестал говорить. В стенах императорского дворца благодарность была последней, заслуживающей доверия.

Только что вернувшись, она еще не нашла подходящего водителя, так что теперь водитель все еще был Ау. Няня Мо, хотя и была в ярости, не была непокорной. Увидев, что Мо Цяньсю мало что сказала, она заказала от ее имени: "Аву, поехали!".

Пока карета двигалась, няня Мо натянула одеяло на Мо Цяньсюэ и сказала заботливо: "Отдохните, леди, если вы устали". Несмотря на то, что императрица даровала белый шелк, так как дама благополучно вышла из дворца, она верила, что это из-за защиты императора.

Теперь эта дама немного испугалась, пусть сначала отдохнет и попросит подробнее рассказать, когда они вернулись домой, чтобы выработать контрмеры.

Вчера они бежали и сражались под высоким духовным давлением, а ночью поднялась волна нападавших, которая привела к тому, что Нин Шаоцин смылся рекой. Мо Цяньсюэ всю ночь искал Нин Шаоцина вдоль реки без перерыва.

Ранее сегодня они устремились в столицу. Вернувшись в особняк Основателя, она сначала установила свою власть, а затем развязала войну с тремя властелинами, после чего днем ее вызвали в императорский дворец, чтобы принять участие в такой захватывающей драме битвы умов и храбрости.

Мо Цяньсюэ была измотана, но в этот момент, как никогда ранее, она хотела упорядочить свои мысли в тишине. В таком кризисе каждая минута была смертельной!

Перед главным входом в императорский дворец не было никаких препятствий, поэтому карета шла гладко.

То, что Император хотел, был ее деревянный жетон, и то, что Императрица хотела, была ее жизнь. Клан Мо хотел ее княжеский титул. А в темноте скрывались жадные глаза и жестокие руки. Как установить равновесие между всеми этими...?

Вскоре после того, как она закрыла глаза, карета внезапно остановилась.

Мо Цяньсю приподнял угол занавески. Погрузившись в свою мысль, экипаж прибыл на главную улицу. Несколько нищих подошли: "Пожалуйста, дайте мне еды".

Здесь была столица, императорский город у подножия императора, поэтому каждое слово и движение должно быть осторожным. Ау опасался, что сбивание с ног нищих создаст проблемы Мо Цяньсюэ, поэтому он вовремя остановил лошадь.

Вонючий запах и звук прошения денег пришли в одно и то же время. Мо Цяньсю нахмурился. В столице, с тех пор, где было так много нищих, которые осмелились окружить карету дамы.

Как мэр города делал свою работу?! Казалось, что столице нужен порядок.

Как только карета остановилась, еще дюжина нищих переполнилась, чтобы беспрепятственно осадить ее карету. В мгновение ока карета не смогла ни вперед, ни назад.

"Дама, пожалуйста, будьте добры..." Голос умоляющих о деньгах исходил снаружи. Мо Цяньсюэ, нахмурившись, спросил няню: "У тебя есть медные монеты?" В это время, выбросить далеко монеты, и нищие, естественно, пойдут за ними, так что текущие проблемы тоже будут решены.

Няня Мо поняла намерение Мо Цяньсюэ и взяла сумочку: "Вот несколько крошечных кусочков серебра. Даме они пригодились бы".

Мо Цяньсюэ забрал сумочку. Няня Мо почувствовала себя счастливой, что она была умной и попросила дворецкого приготовить много монет и крошечных кусочков серебра по возвращении, потому что она знала, что они полезны, чтобы сделать вещи более гладкими в особняке.

Сейчас не время заботиться о деньгах. Мо Цяньсюэ не считала, сколько было в сумочке, выливая серебряные кусочки и выбрасывая на дальнюю сторону дороги.

Как и ожидалось, люди собирались забрать серебро на земле.

Однако эти люди были обычными людьми. Вместо того, чтобы забрать серебро, попрошайки, загнанные в повозку, казалось, спешат и начинают бунт.

Мо Цяньсюэ в спешке приказал няне Мо и всем остальным за пределами кареты: "Убей! Убейте всех этих нищих!"

"Леди?" Няня Мо, сидя в карете, смущенно смотрела на Мо Цяньсюэ.

Минуту назад Мо Цяньсюэ выглядела спокойной, как мёртвая вода. Казалось, она предсказала смущение няни Мо: "Убей их". Они настоящие нищие. Убейте их всех."

Няня Мо сразу поняла, вылетает, чтобы встать перед каретой. Только что она подумала, что эти нищие были нищими и не видели, как из кареты вылетает серебро.

Однако можно было понять, что один из них был плохо зрит. Но это было ненормально, что все они были плохо зрячими.

Хотя няня Мо вылетала, чтобы защитить карету, она не начала убивать, как приказал Мо Цяньсюэ. Это было у подножия императора. Она должна подумать дважды, прежде чем

убивать.

Должно быть, госпожа издевалась в императорском дворце и хотела избавиться от своего гнева. Но она не могла слушать ее и действовать опрометчиво.

Хотя Мо Цяньсюэ отдал приказ убивать, сама она не планировала выходить из кареты. Она больше не была ни современным Мо Цяньсюэ, ни Мо Цяньсюэ в деревне Ван. Она была дочерью Основателя.

Она отличалась от других благородных дам из-за титула герцога. Теперь каждое ее слово и все, что она делала, представляли торжественность Основателя.

Не было нищих, которые видели деньги и не ходили за ними.

Очевидно, что нынешний инцидент был заранее организован и преднамеренно. Несмотря на то, что она не знала, был ли человек за сценой одним из Моисея, это не имело значения, и она не возражала, что предупредила этого человека во время резни.

"Убить! Убейте все, что осмелилось встать у меня на пути. Убейте их всех. Я беру на себя ответственность." Увидев, что ее охрана не осмелилась двигаться, Мо Цяньсюэ отругала, не моргнув.

Нищие остановили свои шаги, услышав слова Мо Цяньсюэ. Им нужны были деньги. Тот мужчина сказал им, что пока им удастся унижить даму в карете, они могут получить двести таэлей серебра. Даже ободряющие мужчины могли получить десять таэлей серебра. Это была огромная сумма, намного больше, чем серебряные кусочки на земле. Конечно, никто не пошел за ними.

Но они все равно боялись потерять жизнь за эти двести таэлей серебра.

"Леди, мы в столице!" Не в дикой природе... Асан и Аву оказались в огурце. Даже если люди из самой высокопрофессиональной императорской семьи или из самых могущественных дворянских семей не осмеливались убивать людей на улице.

"Не бойся. Они оскорбляют дочь основателя и заслуживают смерти." Эти слова были равны суждению. Это было преимущество благородных привилегий. Когда народ оскорблял благородного или императорского члена, его приговаривали к смертной казни.

Мгновенно она поняла, что эти нищие намерены делать.

Они просто планировали публично унижить ее.

Даже если бы они, наконец, не устояли перед всеми, пока один из них трогал ее руку или уголок ее одежды, ее слава была бы полностью уничтожена.

Тогда будут распространяться слухи о том, что ее оскорбляли на людях дюжины нищих. И очень вероятно, что слухи будут рассказаны в чрезвычайно эротической манере. Наконец, то, чего не было вообще, станет фактом в устах других, говорящих, что она была... дюжиной нищих.

Думая об этом, она вспотела холодным потом!

Она была дочерью Основателя, наследницей герцогского титула, так что к тому времени... К тому времени Император никогда не потерпит ее, как посмешище, не говоря уже о наследовании титула. Даже если бы Император оставил ее в живых из-за деревянного жетона, она бы не жила комфортной жизнью.

Женщина, потерявшая целомудрие на улице и тронутая самыми грязными мужчинами, не потерпит никого...

Не говоря уже о герцогском титуле...

Хотя она не слишком ценила этот титул, она бы не отдала его клану Мо.

До тех пор, пока там существовал особняк Основателя, и до тех пор, пока титул герцога оставался там, Мо Цяньсюэ была благородной леди, чей убийственный акт против преступника не считался преступлением, независимо от того, насколько она была обездолена или бессильна, и независимо от того, что у неё было мало власти. В крайнем случае, она подвергалась критике со стороны историка-официального...

Критика не будет стоить ей жизни сразу же. В лучшем случае, это прозвучало не очень хорошо. Но в это время, должна ли она бояться критики?

Наверное, критика стала бы хорошей вещью! Сделать этот инцидент еще более серьезным - это свергнет людей Мо в панику и облегчит им задачу.

Мо Цяньсюэ устроил мозговой штурм. Нищие видели, как Асан и другие только вытаскивали мечи, но не убивали, и тут же ожили и загнали ее в угол.

"Убить!" Сначала Мо Цяньсюэ немного колебался, чтобы убить столько людей, но теперь колебания и милосердие исчезли полностью.

Она потянула за лицо, холодно сказала: "Убей! Убейте их всех. Если кто-то из них останется в живых, убейте вместо этого себя".

Если бы кто-нибудь из нищих остался в живых и распространил слухи, резня была бы бессмысленной. Если бы она решила убить, то сделай это полностью...

Приняв приказ Мо Цяньсюэ и увидев, что нищие снова приближаются, Асан и Аву перестали колебаться и мгновенно размахивали своими мечами: "Уйди с дороги, а то умрешь".

Холодные блески на лезвии сверкали, а люди, которые смотрели на серебро, мгновенно испугались и все отступили назад.

С древних времен люди не ссорились с чиновниками. Хотя Мо Цяньсюй не была чиновницей, она была дочерью Основателя и наследницей герцогского титула. До рождения и взросления сына у нее было то же самое, что и у тех благородных лордов. Эти люди не осмеливались ее обидеть.

Люди любили смотреть драмы, но им нравилась и их жизнь. После того, как Асан и Аву вытащили свои мечи, половина зрителей сразу же ушла, а остальные быстро отступили, но...

Но казалось, что за ними стоит сила нищих, и они верили, что Асан и Аву просто пугают их и не заботятся о том, чтобы при виде их меча им было все равно.

Один из нищих даже громко закричал: "Убийство! Убийство! Дочь-основательница так жестока и беспощадна. Она убьет нас на улице. Она не заслуживает титула!"

Как и ожидалось, их целью был титул герцога.

Асан мгновенно размахивал мечами перед кричащим нищим, чья кровь разлетелась по всей земле, и чье тело рухнуло на землю и умерло сразу же после короткого стога.

Прежде чем другие нищие поняли, что происходит, они уже стали мишенями Асана, Ау, Мо Янь и Мо Син, которые бросились во все стороны.

Асан, Ау, Мо Янь, Мо Синь и даже Чуйи, Шиуу и няня Мо - все они прошли через многочисленные битвы. Остановившись и загнав в угол на улице, в их сердцах уже горел огонь ярости, и теперь пришло время избавиться от него, так как госпожа приказала убить всех нищих или самих себя.

Они сами не были мягкосердечными людьми, поэтому сразу же начали резню, убивая друг за другом фальшивых нищих. Через мгновение умерла дюжина.

Эти нищие поверили, что они вытащили мечи только для того, чтобы напугать их, и не ожидали, что они это имели в виду. Сразу же некоторые из них, рыжеглазые, все еще хотели получить обещанные ранее деньги, но еще больше они испугались и захотели уйти.

Однако в группе нищих зазвонил еще один голос.

"Дочь-основательница настолько бесстыдна, что тусуется с мужчинами во время траура родителей. На самом деле, она шлюха..."

"Бедный правый Основатель, у которого такая позорная дочь..."

Разве нищий мог бы произнести такую речь?

Выражение людей, которые смотрели драму, мгновенно изменилось, и они сразу же бросили серебро в руки, как будто кусались, и все исчезло в мгновение ока.

Даже магазины по обе стороны улицы закрыли дверь и прекратили работу.

Люди, выжившие в столице, не были глупыми. Тайны аристократов не должны быть услышаны. Так как дочь-основатель уже убила так много людей, очень вероятно, что она убьет всех остальных присутствующих.

Жизнь была важнее всего!

Внезапно на улице не было никого, кроме Мо Цяньсюэ и нищих.

Некоторые из нищих даже знали немного боевого искусства, но они вообще не были соперниками таких опытных мастеров боевых искусств, как Асан и Аву.

Через некоторое время была уничтожена еще одна партия нищих.

На внешней периферии стояли еще несколько тяжело задыхавшихся. В связи с ситуацией они бежали в небольшую долину, соединяющую главную улицу.

До того, как Асан и остальные их поймали, как раз вовремя прибыла группа полицейских.

Неторопливо пройдя мимо, они предположили, что не спешили сюда после получения рапорта, а ждали там долгое время.

Мо Цяньсюэ была кристально чиста, когда увидела, как они появляются из темноты.

Вероятно, офицеры планировали подождать, пока попрошайкам удастся, чтобы они вышли и забрали смутьянов в тюрьму... Тогда были бы неопровержимые доказательства, а затем и публичные обсуждения.

Даже если бы нищим это удалось, у Мо Цяньсюэ не оставалось другого выбора, кроме как проглотить падающие зубы. Ради своей славы она должна была отрицать это, вместо того, чтобы обвинять нищих.

В любом случае, в конце концов, будут горячие дискуссии о её целомудрии. Так как она не могла их обвинить, нищих отпустили бы через несколько дней после задержания.

Хороший расчет!

Мо Янь, Мо Син, Асан и Ау не были трусами и, увидев убегающих попрошайек, мгновенно догнали и убили их прямо на глазах у полицейских.

Выйдя из темноты, полицейские не ожидали, что охрана не остановится даже при их виде и осмелится убить их в лицо, поэтому они вытащили и мечи.

Но они не осмеливались подойти ближе, опасаясь убийств вокруг охранников.

Воздух сразу замерз. Асан, Ау, Мо Янь и Мо Син стояли там, как каменные столбы, и офицеры не осмеливались подойти.

В связи с напряженным противостоянием сзади вышел человек в официальном костюме.

В ярости он оттолкнул перед собой чиновников и громко расспросил Мо Яна и остальных: "Ты... ты презираешь императорский город, чтобы убивать на улице! Это убийство!"

Он закричал, немного испугавшись, потому что всего минуту назад он был свидетелем того, как несколько охранников убивали людей, и с их мечей до сих пор стекала кровь.

Человек в официальной форме, похоже, имел право голоса, поэтому Мо Цяньсюэ вышел из кареты.

Увидев, как Мо Цяньсюэ выходит из экипажа, этот человек снова почувствовал смелость, поднялся в эфир и приказал своему народу: "Не стойте на месте". Уберите убийства".

Какой бы смелой ни была эта женщина, она должна подумать дважды, прежде чем убивать чиновника на улице в столице.

Мо Цяньсюэ поспешно подошел и сказал: "Я Мо Цяньсюэ, дочь Основателя. Эти люди пытались ограбить благородную даму при ярком дневном свете - акт пренебрежения к законам и презрения императора. Я приговорила их по закону. Это оправданная защита. Как ты можешь говорить, что это убийство?"

Ее голос не был высоким, но звучал торжественно.

Как сказала Мо Цяньсю, она быстро и втайне взглянула на няню Мо.

В этот момент няня Мо поняла заговор и взяла Чуйи и Шиву, чтобы начать проверять трупы на земле. Когда они не были уверены, они снова ударили ножом, чтобы гарантировать, что все они умрут полностью.

В данных обстоятельствах не было лучшего выбора, чем уничтожить все возможные показания.

Даже если бы и были люди, которые могли бы дать показания, они только видели, как эти нищие бросились к конной повозке, отказались забрать деньги, выброшенные дочерью-основательницей, и ещё больше загнали повозку в угол, чтобы ограбить её! Мертвые больше не могли говорить. Теперь все показания зависели от нее.

Чиновник был сбит с толку тем, что делал Мо Цяньсюэ. Разве не говорили, что эта женщина была робкой, как мышь, и пряталась за няней и плакала только тогда, когда у неё были неприятности? Почему она так отличалась от слухов?

Кроме того, каждое ее слово звучало разумно и правильно. В то время он не знал, как реагировать.

Оставаясь молчаливым, Мо Цяньсюэ снова спросил: "Из какого вы подразделения? Как вы смеее задерживать дочь-основательницу!"

<http://tl.rulate.ru/book/14777/938358>